Д. С. Коробов

АЛАНЫ
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

ЭТНОС
АРХЕОЛОГИЯ
ПАЛЕОГЕНЕТИКА

Дмитрий Сергеевич Коробов
Аланы Северного Кавказа: этнос, археология, палеогенетика

pdf
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64818446
Аланы Северного Кавказа: этнос, археология, палеогенетика:
ISBN 978-5-4469-1681-8

Аннотация

В книге в научно-популярной форме излагаются современные взгляды на происхождение аланского этноса на Северном Кавказе и проблему «аланского наследия». Рассмотрены имеющиеся на сегодняшний день данные лингвистики, антропологии и археологии, касающиеся северокавказских алан. Отдельные разделы посвящены катакомбному обряду погребения, являющемуся основным маркером аланской археологической культуры на Северном Кавказе и Среднем Дону, а также подробно рассмотрен процесс появления носителей этой культуры в Кисловодской котловине.

Особое внимание уделено первым результатам секвенирования палео-ДНК представителей среднесарматской и аланской археологических культур, дающих представление о генетическом портрете древнего и средневекового населения

Северного Кавказа на фоне имеющихся данных о генетике современного населения региона. В результате обобщения изложенной информации автор приходит к выводу о значительном вкладе местного северокавказского населения в процесс формирования аланского этноса и о его многокомпонентности.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся археологией и историей Северного Кавказа.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Предисловие научного редактора 6
Введение 12
Глава 1 19
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Дмитрий Коробов
Аланы Северного Кавказа
Этнос, археология, палеогенетика

Рецензенты: доктор исторических наук Г. Е. Афанасьев, доктор исторических наук В. Б. Ковалевская

Научный редактор: доктор исторических наук В. А. Кузнецов

© Д. С. Коробов, 2019

© Издательство «Нестор-История», 2019

* * *

Предисловие научного редактора

Известно, что проблема происхождения современных народов является одним из сложнейших и комплексных вопросов исторической науки. Известно также, что наука археология за 25–30 лет обновляет свои источники, методы и приемы, позволяющие вырабатывать новое знание. Это делает археологию весьма динамичной, современной наукой.

Именно такая ситуация сложилась в последние годы в археологии Северного Кавказа при исследовании важнейшей проблемы этногенеза осетинского народа, занимающего центральную часть Кавказского перешейка. Острота ее состоит в том, что осетины – единственный на Северном Кавказе ираноязычный народ, и это требует научного объяснения.

Осетинам повезло. Более 200 лет назад Юлиус Клапрот высказал мнение о том, что осетины Кавказа есть потомки известных в письменных источниках средневековых алан. Мысль Клапрота оказалась гениальной, и ее суть, постоянно подтверждаемая новыми аргументами и фактами, ныне представляет основу научной парадигмы формирования осетинского народа. Это общеизвестно на европейском и мировом уровне.

При советской власти в каждой национальной республике Северного Кавказа появилась своя высокообразованная интеллигенция и свои научные центры – местные научно-ис-

следовательские институты. В каждом из них должна была разрабатываться история своего народа, начиная с этногенеза. Но это породило тяжелую психологическую проблему поиска «хороших» предков, ибо каждой республике был необходим вариант своей истории, полной достоинства, формирующей соответствующее национальное самосознание, патриотизм и гордость своей историей. Никто не хотел выступать в роли заимствующей стороны, например, нартского эпоса.

Так уже неплохо изученная проблема алан, народа ираноязычного, но отвечавшего всем ожиданиям и настроениям не только осетин, но и других народов Кавказа, стала своего рода «коммунальной квартирой» для многих жильцов, желающих стать хозяином квартиры – аланского наследства. После возвращения карачаевцев, балкарцев, ингушей и чеченцев все они стали претендентами на аланское происхождение, следовательно, и на аланскую историю. В качестве примера назову коллективный труд «История Ингушетии» (*Магас*, 2011).

Таким образом, в историографии последних десятилетий на Северном Кавказе сложилась парадоксальная ситуация, когда исторические аланы, кроме осетин, оказались ингушами, чеченцами, карачаевцами, балкарцами. Ясно, что подобное манипулирование не вызвало энтузиазма у осетин.

Следует признать, что развернувшаяся борьба за аланское наследие имеет и позитивный потенциал. Она оживила ис-

следовательскую мысль и поиск истины в Осетии. В 1966 г. в г. Орджоникидзе (Владикавказ) состоялась крупная конференция по проблеме происхождения осетинского народа. С концепцией двуприродного характера осетинского языка (теория взаимодействия субстрата и суперстрата) выступил В. И. Абаев. Возражений ему не последовало, и версия Абаева была принята, ибо она наиболее полно соответствовала всей совокупности существующих источников. Неясным и спорным оставался удельный вес каждого из вышеназванных этнических компонентов («где те весы, чтобы было можно взвесить?»). Что преобладало – субстрат или суперстрат?

Прошло более 50 лет. Наука не стояла на месте, и сейчас она имеет возможность ответить и на этот вопрос. Чудесные весы науки называются палеогенетикой. Что такое гены и генетика, знают все образованные люди. Напомню: генетика (от *греч.* γένεσις – происхождение) – наука о законах наследственности и изменчивости и методах управления ими (БРЭ, ст. «Генетика»). Существует генетическая информация, т. е. получаемые от наших предков и заложенные в наследственных структурах организмов в виде совокупности генов программы о составе, строении и характере обмена составляющих организм веществ (Там же). Приставка «палео» означает «древний», следовательно, палеогенетика – это генетика, работающая с древним антропологическим материалом. Это часть биологии, науки точной и проверяемой, выводы генетического характера бесспорны.

Сейчас происходит процесс внедрения генетики в археологию и получения при помощи палеогенетики тех результатов, о которых еще недавно было можно только мечтать. Это и есть те чудесные весы науки, на которых можно взвешивать, но не в килограммах, а в процентах. Это огромный шаг вперед в развитии нашей науки и познания мира давно ушедших поколений и их генетических связей. Г. Е. Афанасьев и Д. С. Коробов первыми выступают с палеогенетическим исследованием алано-осетинского антропологического материала и приходят к основополагающим выводам касательно проблемы формирования современных осетин.

Д. С. Коробов – доктор исторических наук (Институт археологии РАН), занимается аланской проблемой Кавказа, автор многолетних комплексных исследований памятников района г. Кисловодска. Я не биолог и не генетик, но как археолог обрадован и глубоко удовлетворен истинно новаторским исследованием талантливого автора. Причина моего удовлетворения – почти полное соответствие выводов Д. С. Коробова на палеогенетическом материале из аланских могильников на территории Алании с материалами археологическими, добытыми лопатой археолога на той же территории. Как было сказано, биология наука точная, и это сопряжение традиционной археологии с новационной палеогенетикой убеждает в правильности нашего курса при разработке аланской проблемы вообще, осетинского этногенеза в частности. Кажется, мы теперь можем уверенно говорить о ката-

комбном обряде погребения как сармато-аланского происхождения. Я, начиная с кандидатской диссертации (1960 г.), твердо (и несмотря на возражения) стоял за признание катакомбного обряда погребения в условиях Центрального Кавказа именно аланским.

К сказанному, как редактор, хотел бы заметить, что прихожу к выводу о том, что катакомбный обряд погребения описан в фрагарде восьмом священной книги древних иранцев «Авесте» (VIII в. до н. э.), и если моя версия будет наукой принята, мы получим еще один весомый аргумент в пользу древнего иранства алан и влияния зороастризма на культуру и религию алано-осетин, фактически до сих пор не оцененного нами. Я коснусь этой проблемы в следующей монографии «Змейские аланы». Д. С. Коробов, к сожалению, этих сюжетов не затронул.

Издание этой книги Д. С. Коробова[1] выводит археологию Северной Осетии на уровень одного из регионов Северного Кавказа, где успехи нашей науки выглядят несомненными. Очевидны и силы противодействия. Но главное, конечно, не это. В тесном сотрудничестве с коллегами из других научных центров необходимо исследование и издание огромного материала из аланских катакомбных могильников в Змейской, Зилги, Зарагиже и др. Там скрыты новые проблемы.

---

[1] Рукопись этой книги была подготовлена для публикации в качестве десятого тома «Алано-Кавказской библиотеки», издающейся во Владикавказе, однако по причинам, не зависящим от автора, опубликована не была (*Прим. авт.*).

Монография Д. С. Коробова – весомый вклад в разрабатываемую много лет алано-осетинскую проблему. Скорейшая публикация этого труда весьма своевременна и открывает новые перспективы перед алано- и осетиноведением.

В. А. Кузнецов

Введение

Кавказ как регион со сложным ландшафтом, расположенный на стыке Европы и Азии, через который с глубочайшей древности пролегали межконтинентальные пути миграций человека, в силу своей геополитической специфики стал уникальным ареалом генетического многообразия, формирования многочисленных народов и языков. Именно это определяет неуклонно растущий интерес к этногенетическим исследованиям населения Северного Кавказа, которые активно проводятся на протяжении более 100 лет.

Среди проблем этногенеза северокавказских народов вопрос об «аланском наследии» является одним из важнейших. Он касается сложных условий формирования одного из уникальных этносов нашей страны, являвшегося ираноязычным и, таким образом, восходящего, с одной стороны, к древним народам, обитавшим в Центральном Предкавказье в I тыс. до н. э., которые фигурируют в письменных источниках как скифы и сарматы (*Ковалевская*, 2005), а с другой – напрямую связываемого с современными носителями иранского языка – осетинами.

В последние годы борьба за «аланское наследие», которое включает в себя также и «скифо-сарматское», развернулась среди многочисленных представителей общественности, околонаучных кругов и, к сожалению, также иногда вы-

плескивается в научную сферу. На просторах Интернета кипят нешуточные страсти вокруг «престижных предков», в качестве которых рассматриваются могущественные в прошлом племена скифов-сарматов-алан (*Шнирельман*, 2006). Провоцируется дискуссия вокруг языковой принадлежности этих народов, оспаривается господствующая в научных кругах точка зрения на них как носителей языков, относящихся к восточно-иранской группе. Развиваются споры, касающиеся современной генетической информации, накопленной к настоящему времени среди народов Северного Кавказа.

Представляется актуальным рассмотреть основные вопросы, связанные с этнической историей алан и ее отражением в археологических источниках, на фоне накопленной на сегодняшний день информации о лингвистических, антропологических и палеогенетических данных об аланском этносе, не претендуя, разумеется, на окончательное решение этой сложной проблемы. В связи с этим, коль скоро мы собираемся посвятить этот труд историческим судьбам аланского этноса, неплохо бы разобраться с самим понятием – что же такое «этнос» согласно современным представлениям?

Само слово «этнос» (ἔθνος) греческого происхождения, основной перевод его – народ. Однако в древнегреческом языке существовало несколько понятий «народ», наделявшихся разным смыслом, например «демос» (δῆμος) – народ в политическом смысле (свободные граждане греческого полиса). «Этносами» же греческие авторы обозначали разно-

образные варварские племена, отличая их от эллинов, к которым данный термин не применялся. Таким образом, слово «этнос» может наполняться такими смыслами, как «племя» или «народность».

Литература, посвященная теоретическим проблемам этноса и этничности, огромна, а интерес к этой проблеме то вспыхивает, то затихает на протяжении всего XX в. и начала нынешнего столетия. Стоит упомянуть, что разработка этой проблемы в отечественной историографии имеет давнюю историю и в свое время во многом опережала зарубежную антропологию. Так, первое и, возможно, одно из лучших определений этноса было дано в книге русского этнографа С. М. Широкогорова, которая так и называлась «Этнос» и была опубликована им в 1923 г. в Шанхае (цит. по: *Клейн*, 2013а. С. 19): «Этнос есть группа людей, говорящих на одном языке, признающих свое единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимыми и освящаемыми традицией и отличаемыми ею от таковых других групп». С тех пор в работах отечественных и зарубежных этнологов, антропологов, философов, историков и археологов многократно рассматривались основные признаки этноса – язык, территория, культура, особенности психологии, единство происхождения, название и самоназвание народа, его самосознание, религия, экономика, государственность и раса. Велись долгие споры о том, какие из перечисленных признаков должны быть определяющими для выделения эт-

носов, а какие – второстепенными. Давались многочисленные определения этнических групп. Из всего множества теоретических концепций, связанных с этносом и этничностью (последний термин гораздо популярнее в зарубежной литературе, где этнос редко рассматривается как реальное явление, а чаще идет речь о представлениях людей, связанных с их этнической (само)идентификацией), можно выделить три основных подхода:

1) так называемый примордиальный (от англ. primordial – «начальный, первичный, исконный»), согласно которому этнос есть (социо)биологическая совокупность людей общего происхождения, отличающаяся своими свойствами – языком, культурой, физическим обликом и пр. – от других совокупностей (ярким адептом данного подхода, совмещенного с природно-ландшафтным, был Л. Н. Гумилев);

2) социоисторический (социокультурный), когда этнос рассматривается как социальная категория – общность людей, объединенных определенными социальными отношениями на основе единой культуры, языка, происхождения и пр. К этому подходу относятся основные труды советских этнологов, прежде всего Ю. И. Семенова. Промежуточное положение между двумя перечисленными подходами занимает позиция Ю. В. Бромлея, отмечавшего двойственную природу этноса как одновременно социоисторического («этносоциальные организмы») и биологического («этникос») явления;

3) социально-психологическая концепция (В. И. Козлов, К. В. Чистов, Л. С. Клейн), по которой этнос не является материальной субстанцией или единицей классификации реальных общественных явлений. Это скорее общность субъективных представлений (сознания и самосознания), основанная на убежденности (не обязательно верной!) об общем происхождении носителей той или иной этничности. Следует сказать, что именно такая концепция в настоящее время доминирует в зарубежной литературе, однако имеются существенные отличия в подходе к вопросу о реальности существования этноса. Перечисленные выше ученые считают, что этносы – это реальные совокупности людей, объединенных подобными представлениями о своей этнической общности, тогда как многие зарубежные и некоторые отечественные этнологи (к ним относится, прежде всего, В. А. Тишков, написавший книгу «Реквием по этносу» (*Тишков*, 2003), буквально «взорвавшую» российское научное пространство непривычными интерпретациями этничности) считают, что этнос является лишь ментальной конструкцией, своего рода инструментом, создающим человеческие коллективы для реализации разнообразных (прежде всего политических) целей.

С этой точки зрения все остальные подходы для адептов подобной теории (их называют конструктивистами) являются примордиальными, поскольку для них этносы не являются объективной

реальностью, а акцент переносится на сам феномен этничности, процесс конструирования воображаемых этнических коллективов.

Отталкиваясь от современных представлений о том, что же такое этнос и этничность, можно вновь обратиться к накопленным на сегодняшний день сведениям об аланах – могущественных и многочисленных племенах, обитавших на протяжении практически полутора тысяч лет на широких просторах равнин и предгорий Северного Кавказа. Настоящее издание не претендует на всесторонний охват проблемы аланского этногенеза и вклада аланского этноса в процесс формирования современных северокавказских народов. Однако полученные в последнее время лингвистические, антропологические, археологические и палеогенетические данные позволяют вернуться к уже неоднократно обсуждавшемуся вопросу об «узком» или «широком» трактовании племенного названия «аланы», роли северокавказского субстрата в формировании аланского средневекового этноса, месте аланского компонента в этногенезе народов Северного Кавказа.

Автор, будучи археологом, не имеет возможности профессионально судить о весьма сложных вопросах лингвистики, антропологии или палеогенетики, и поэтому данные разделы представляют собой обобщения некоторой новой литературы. Более подробно будет разобрана яркая и, возможно, определяющая черта аланской археологической культуры –

сведения о катакомбных могильниках I тыс. н. э. как отражении расселения алан в Центральном Предкавказье – и соотношение этого расселения с данными письменных источников о средневековых аланах.

Понимая накал страстей, которые кипят вокруг проблемы «аланского наследия» на Северном Кавказе (см.: *Шнирельман*, 2006), мне хотелось бы избежать упрека в том, что я занимаю ту или иную этноцентрическую позицию, отстаиваемую представителями разных национальных научных и околонаучных школ. Не обладая собственным «аланским самосознанием», я пытаюсь следовать объективным научным данным, которые имеются в нашем распоряжении на сегодняшний день. Насколько это удалось автору – судить читателям.

Глава 1
Северокавказские аланы и их историческая судьба

Несколько лет назад во время реставрационных работ внутри Спасо-Преображенского собора Переславля-Залесского была сделана сенсационная находка. Расчистив одну из стен храма, реставраторы открыли надпись, процарапанную на древней штукатурке. С правой стороны надпись гласила: «Месяца июня 29 убиен бысть князь Андрей своими паробкы (слугами), овому вечная память, а сим – вечная мука». В левом столбце приведен список убийц, где было примерно 20 имен. Три первых имени известны по летописи – это Петр Кучков зять (в тексте есть его отчество – Фралович, вероятно, Флорович), Амбал и Яким (Яким Кучкович). Затем значительная часть текста утрачена, а в конце есть три имени, которые известны не были: Ивка, Петрко и Стырята. Окончание столбца пока остается непрочитанным.

Стало очевидным, что надпись практически полностью воспроизводит сведения древнерусской летописи, описывающей убийство суздальского князя Андрея Боголюбского: «В год 6683 (1175). Убит был великий князь Андрей Суздальский, сын Юрия, внук Владимира Мономаха июня месяца в 28-й день, в канун праздника святых апостолов.

…Главарем же убийц был Петр, зять Кучки, **Анбал, яс родом**, ключник, да Яким, да Кучковичи – всего числом двадцать зловредных убийц, вошедших в греховный сговор в тот день у Петра, у Кучкова зятя, когда настала субботняя ночь на память святых апостолов Петра и Павла».

Среди перечисляемых имен бросается в глаза странное имя «Амбал/Анбал», вошедшее в русский жаргон как синоним слова «громила», «силач». В летописи он охарактеризован как «яс родом». Еще в конце XIX в. В. Ф. Миллером в его знаменитых «Осетинских этюдах» было отмечено, что это имя может переводиться с осетинского языка, в котором оно имеет значение «товарищ», «спутник». Что же касается названия народа «ясы», то со времен доклада Юлиуса Клапрота, зачитанного им в Париже 4 ноября 1822 г. на заседании Азиатского общества, ясы древнерусских летописей соотносились с асами или аланами других средневековых письменных источников. Кто же были эти таинственные аланы, и каким образом они оказались связаны с древнерусскими князьями?

История северокавказского племени алан богата яркими событиями, которые дошли до нас лишь в форме очень кратких и порой противоречивых упоминаний древних авторов. Тем не менее список этих отрывочных сведений столь широк, что стал основой крупного свода, который в начале XXI в. был собран и прокомментирован каталонским историком Августи Алеманем. Существует русский перевод его

труда, изданный в 2003 г., в который вошли оригинальные фрагменты текстов и их переводы с латинского, греческого, армянского, грузинского, арабского, русского, сирийского и даже китайского языков (*Алемань*, 2003). Подробная история алан и их взаимоотношений с Римской империей, Византией, Хазарией, Русью, Грузией и Арменией была опубликована одним из патриархов отечественного алановедения Владимиром Александровичем Кузнецовым. С момента первого выхода его книги «Очерки истории алан» в 1984 г. этот блестящий труд выдержал уже три издания, последнее из которых опубликовано в 2016 г. К этим прекрасным книгам я адресую всех заинтересованных читателей, которые захотят поближе познакомиться с историей алан на Северном Кавказе и за его пределами. В данной главе я лишь коснусь самых основных исторических вех тысячелетней истории этого удивительного народа.

Впервые аланы попадают в поле зрения римских и армянских авторов в середине I в. н. э. в связи с их военными походами в Закавказье и участием в иберо-парфянских войнах. Ко II в. они становятся столь опасной военной силой, что одним из римских военных наместников в Каппадокии, Флавием Аррианом, который столкнулся с конными атаками аланских всадников, был написан специальный трактат «Тактика», включавший главу «Диспозиция против аланов». В ней он подробно описывает, каким образом нужно построить римские войска, чтобы удержать натиск тяжелово-

оруженных аланских всадников, наступающих лавой в виде своеобразного клина.

Казалось, никто не может противостоять столь мощной военной силе, владевшей северокавказскими равнинами, низовьями Дона, доходившей в своих походах до Закавказья и Малой Азии. Однако к концу IV в. у аланов появляется мощный враг, пришедший с востока, – это были гунны. Неукротимый народ, прославившийся своей воинской силой и страшной жестокостью, столкнулся с аланами около 370 г. н. э. Вот как описывает это событие очевидец, римский историк и профессиональный военный Аммиан Марцеллин: «И вот гунны, пройдя через земли аланов, которые граничат с гревтунгами и обычно называются танаитами, произвели у них страшное истребление и опустошение, а с уцелевшими заключили союз и присоединили их к себе» (*Аммиан Марцеллин, 2000*. Книга XXXI, 3, 1). Следует отметить, что разгром пришелся на аланские племена, обитавшие возле низовьев Дона недалеко от греческого города Танаис и потому получившие прозвание «танаиты». Вероятно, именно этих алан описывает Марцеллин в другом разделе своей знаменитой книги, известной под названием «Res Gestea» («Деяния»). Приведу полностью это красочное описание, наверное, самую подробную характеристику облика и быта алан накануне гуннского нашествия: «Аланы, разделенные по двум частям света, раздроблены на множество племен, перечислять которые я не считаю нужным. Хотя они

кочуют, как номады, на громадном пространстве на далеком друг от друга расстоянии, но с течением времени они объединились под одним именем и все зовутся аланами вследствие единообразия обычаев, дикого образа жизни и одинаковости вооружения. Нет у них шалашей, никто из них не пашет; питаются они мясом и молоком, живут в кибитках, покрытых согнутыми в виде свода кусками древесной коры, и перевозят их по бесконечным степям. Дойдя до богатой травой местности, они ставят свои кибитки в круг и кормятся, как звери, а когда пастбище выедено, грузят свой город на кибитки и двигаются дальше. В кибитках сходятся мужчины с женщинами, там же родятся и воспитываются дети, это – их постоянные жилища, и куда бы они не зашли, там у них родной дом. Гоня перед собой упряжных животных, они пасут их вместе со своими стадами, а более всего заботы уделяют коням. Земля там всегда зеленеет травой, а кое-где попадаются сады плодовых деревьев. Где бы они ни проходили, они не терпят недостатка ни в пище для себя, ни в корме для скота, что является следствием влажности почвы и обилия протекающих рек. Все, кто по возрасту и полу не годятся для войны, держатся около кибиток и заняты домашними работами, а молодежь, с раннего детства сроднившись с верховой ездой, считает позором для мужчины ходить пешком, и все они становятся вследствие многообразных упражнений великолепными воинами. Поэтому-то и персы, будучи скифского происхождения, весьма опытны в военном деле. Почти

все аланы высокого роста и красивого облика, волосы у них русоватые, взгляд если и не свиреп, то все-таки грозен; они очень подвижны вследствие легкости вооружения, во всем похожи на гуннов, но несколько мягче их нравами и образом жизни; в разбоях и охотах они доходят до Меотийского моря и Киммерийского Боспора с одной стороны и до Армении и Мидии с другой. Как для людей мирных и тихих приятно спокойствие, так они находят наслаждение в войнах и опасностях. Счастливым у них считается тот, кто умирает в бою, а те, что доживают до старости и умирают естественной смертью, преследуются у них жестокими насмешками, как выродки и трусы. Ничем они так не гордятся, как убийством человека, и в виде славного трофея вешают на своих боевых коней содранную с черепа кожу убитых. Нет у них ни храмов, ни святилищ, нельзя увидеть покрытого соломой шалаша, но они втыкают в землю по варварскому обычаю обнаженный меч и благоговейно поклоняются ему, как Марсу, покровителю стран, в которых они кочуют. Их способ предугадывать будущее странен: связав в пучок прямые ивовые прутья, они разбирают их в определенное время с какими-то таинственными заклинаниями и получают весьма определенные указания о том, что предвещается. О рабстве они не имели понятия: все они благородного происхождения, а начальниками они и теперь выбирают тех, кто в течение долгого времени отличался в битвах» (*Аммиан Марцеллин, 2000*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.